

СДЕЛАНО В
СССР

Пионер.

Назад в СССР

П.Ларин

Пионер

Павел Ларин

Пионер. Назад в СССР

«автор»

2023

Ларин П.

Пионер. Назад в СССР / П. Ларин — «автор», 2023 — (Пионер)

Что случится, если злодей мирового масштаба из далекого будущего попадет в тело советского школьника? Правильно. Будет плохо. Злодею. А если в придачу судьба ему выдаст Пионерский лагерь, песни у костра, Зарницу, первую любовь и страшилки по ночам? Нервный срыв обеспечен. Наша родная Пионерия, она такая. Как бедному злодею, найти выход? Как выбраться из счастливого пионерского лета? А теперь обо всем по порядку...

Содержание

Начало	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Павел Ларин

Пионер. Назад в СССР

Начало

Петя Ванечкин был хорошим мальчиком. Хотя... Почему же мальчиком? Подростком. Впрочем, нет. Петя Ванечкин был мужчиной. По крайней мере, он так себя видел. Настоящий мужчина, единственный в семье. Опора и надёжа матери. Сестру можно не считать, она без опоры обойдется. Семь лет от роду, а характер, как у кобры. Так и норовит укусить побольнее. Да, сестра пусть сама на себя опирается.

И совсем неважно, что исполнилось Пете четырнадцать лет. Это, между прочим, уже серьезный возраст. В четырнадцать лет, между прочим, многие мальчишки уходили на войну. Поэтому, да. Мужчина.

А еще Петя Ванечкин был лучшим. Лучшим во всем. В спорте, в учебе, в коллективе... Но только в своих мечтах. Или во сне. Сны Пете часто снились. Там он всегда выглядел, как настоящий герой. Как «Всадник без Головы» у Майн Рида. Как Миша Поляков из книги «Кортик».

Периодически в фантазиях Петя спасал кого-то от смерти.

Чаще всего это была Маша Фокина. Самая красивая девочка из их параллели. Иногда – Федька Лапин, редкостная сволочь, но тоже самый популярный пацан в школе. Пловец, отличник, сынок первого секретаря горкома. Каждый раз, когда Петя спасал Лапина, который почему-то непременно тонул, наверное, чисто из принципа, у Пети в глубине души появлялось сомнение. Может, под шумок утопить Федьку... Но, как настоящий пионер, Ванечкин такие мысли гнал даже во сне. Сестру только никогда не спасал. Она сама угробит, кого хочешь. Это от неё спасать надо окружающих.

На самом деле, в настоящей жизни, Петю считали «зубрилой» и не очень любили в классе. Вот такая несправедливость. Вернее, очень не любили. Во дворе тоже. Но всё потому, что завидовали. Точно. И мама так считает.

А еще приключился в Петиной жизни удивительный поворот. Как отличник и ученик, собравший больше всего макулатуры в этом году, он оказался в числе счастливых, которые отправятся в лагерь. В тот самый, на берегу моря.

Море от их города находилось не очень далеко, но и не близко. Просто так не доберёшься. К тому же, мама работала на заводе, тянула их с сестрой одна. Характер у мамы был несклочный. Даже, наверное, слишком мягкий. Чем бессовестно пользовались ее коллеги. Поэтому, когда у мамы выпадал, наконец, отпуск, это случалось то осенью, то ранней весной. Какое уж тут море.

А вот теперь, наконец, Петя его увидит. Это было сказочно и потрясающе.

Поэтому день отъезда стал для Пети необыкновенным днём. Ванечкин решил, нужно запомнить его навсегда.

Эх, Петя, Петя... Он ведь не знал, что эти мысли окажутся пророческими.

И сначала все было хорошо. Ванечкин взял чемодан, который предварительно они приготовили с матерью, подтянул носки, поправил пионерский галстук. Затем вышел из дома и отправился ко Дворцу имени Ленина. Сбор в их городе должен был состояться именно там.

Благо, жил Петя недалеко, и до места назначения вполне мог добраться пешком.

Ванечкин уже отошел от родного двора на приличное расстояние, когда отчетливо услышал низкий мужской голос.

– Млять...

Петя замер и оглянулся. Голос звучал слишком отчетливо. Значит, говорить мог лишь человек, идущий за ним шаг в шаг. Однако, сзади никого не оказалось. И сбоку никого не оказалось. И даже впереди, мало ли, тоже было пусто.

– Странно... – Петя посмотрел вверх, на солнце, а потом поправил панаму.

Мама никогда не разрешала ему выходить на улицу без панамы. Солнечный удар, это тебе не просто так. Это – серьезно. Но сейчас ведь панамы на месте. Значит, солнечный удар можно исключить.

– Показалось... – Решил Петя и снова пошел в сторону Дворца культуры.

– Сука... вот это я промахнулся...

Ванечкин замер, а потом резко обернулся назад. Он хотел застать шутника врасплох. Потому что иначе, как очень плохим розыгрышем, объяснить происходящее Петя не мог.

Но вокруг опять не было никого. Даже случайные прохожие словно испарились. Абсолютно пустая улица.

Никого, главное, не было, а голос был. Точно был. Низкий, басовитый, однозначно взрослый. Ну, или как минимум, обладатель этого голоса лет на пять старше самого Пети.

– Вот это, да... Вот это я в жир ногами...

Когда очередная фраза прозвучала в Петиней голове, он понял. В голове же! Не рядом. Не со стороны. Этот непонятный голос раздавался в Петиних мыслях.

И вот тогда Ванечкину стало страшно. Потому что прежде никакие голоса в мысли сами по себе не приходили.

Петя решил, надо бежать. Бежать туда, где ему помогут.

До Дворца культуры оставалось всего-ничего. Буквально последний рывок. Там есть люди и взрослые. Да, взрослые. Вот, кто ему нужен. Может, таблетку дадут. Может, температуру померяют.

Петя, не долго думая, бросился вперед. Туда, где должны были стоять два автобуса.

Он несся с такой скоростью, что в ушах свистело, а чемодан, который вдруг стал очень громоздким и неудобным, бил его по ногам.

Однако, как только впереди показалось здание с колоннами и толпа школьников, среди которых суетились несколько учителей, что-то вдруг произошло. Петя с ужасом понял, ноги перестают его слушаться. Вообще. В теле появилась слабость. А потом все тот же мужской голос сказал.

– Не, пацан. Боливар не вывезет двоих. Давай-ка, отдохни.

Последнее, что увидел Ванечкин перед тем, как его накрыла темнота, это Елена Сергеевна, молодая пионервожатая из их школы. Она заметила Петю и даже сделала шаг ему навстречу. Но, к сожалению, было поздно...

Глава 1

– Ванечкин, ты как себя чувствуешь? Все хорошо? Голова не кружится? Мушки? Мушки не летают? В ушах не звенит?

Я посмотрел на объемную тетку лет сорока, которая сыпала вопросами без остановки. Нина Васильевна. Так, вроде. Она до ужаса напоминала мне бегемота. Просто один в один, если присмотреться. Бегемот, которого нарядили в яркое цветастое платье, а на голову этому бегемоту напялили шляпу с широкими полями. Она так эмоционально перечисляла все признаки плохого самочувствия, будто ей очень бы хотелось, чтоб они присутствовали.

– Спасибо, все хорошо. – Ответил вслух и даже улыбнулся, хотя в реальности подумал совсем другое.

Отвали, толстая дура. Вот, что я подумал. Потому как она реально толстая и реально дура. Жаль, что пацан четырнадцати лет говорить такое своей учительнице не может. Вернее, может, конечно, но в воспоминаниях Пети – нет. Старших надо уважать. С ними нельзя оговариваться, им нельзя грубить. Старшие точно знают, как правильно. Особенно, если дело касается учителей и соседа Чапая. Кто такой сосед Чапай я не знаю, но он стоял у Пети на первом месте. Наверное, крайне серьезный тип.

В любом случае, я должен следовать тому поведению, которое обычно демонстрировал пацан, потому что, главное правило – неприметность. И мне его надо соблюдать. Не выделяться. Не привлекать внимания. Слиться с окружающей реальностью. А это, между прочим, очень сложно. Как я могу слиться с толпой подростков? Нет, чисто внешне, понятно, Петя не изменился. Все на месте. Руки, ноги, даже нелепая физиономия с оттопыренными ушами и веснушками по всему лицу. Но внутри его больше нет. Внутри – только я. И в мои планы ничего подобного не входило. Ни автобуса, набитого детьми, ни Бегемота в шляпе.

Вообще, как-то все неожиданно пошло через задницу.

Я – преступник мирового масштаба. Вселенского. Злодей с серьезной репутацией. От моего имени плакали дети, мужчины хватались за оружие, а женщины падали без чувств. Просто от имени. Стоило произнести его вслух. Я – псионик. Самый сильный из всех существовавших за последние столетия.

Был... Ключевое слово, которое надо добавить – был.

Потому что сейчас я еду в ужасном, воняющем каким-то дерьмом автобусе. Мне четырнадцать лет и я самый настоящий задрот. А еще я охренеть, как промахнулся. Попал в... Черт, опять забыл эти ужасные цифры. Сознание плохо держится за новый сосуд. Ясное дело. Оно в шоке.

– Эй, пацан. – Локтем толкнул такого же задрота, сидевшего рядом со мной. Только я устроился скраю, а он возле окна. – Какой сейчас год?

Пацан посмотрел на меня испуганно, потом медленно открыл рот. Наверное, хотел позвать опять эту Бегемотиху, чтоб она мне снова совала в нос вонючий аммиак. Я его сразу узнал. По запаху. Мерзкая дрянь. Но он действительно прочищает мозги. Сам пользовался неоднократно при перегрузках.

– Я тебе палец сломаю, если начнешь орать не по делу... – Шепотом предупредил соседа. – Просто скажи, какой год, и отстану.

– Ванечкин... Ты совсем на себя не похож... Точно тебе солнышком припекло. Сейчас 1985. – Ответил этот придурок. Потом помолчал и добавил. – Пятое июня.

Можно подумать, месяц и число что-то решают. Какая разница, июнь, июль, сентябрь или февраль, если год вообще не тот. Вообще! Год не тот, место не то, человек не тот. Со всех сторон – полное фиаско.

– Молодец! – Я улыбнулся задроту.

В тюрьме нас учили быть добрее с окружающими, транслировать им доброжелательность. А у меня с этим, как раз, беда. С доброжелательностью. Свергнуть правительство при максимальном количестве жертв – на здоровье. Любить людей – идите в задницу.

Тюрьма... Много лет меня не могли поймать. Неуловимый псионик... Я ограбил такое количество государственных банков, сверг такое количество президентов и монархов, устроил такое количество переворотов, что уже счет потерял.

А потом один урод все-таки сподобился. Перехитрил меня, гадина. Но даже в тюрьме Чрезвычайного Назначения я нашел способ, как убежать.

В местной библиотеке разыскал книгу. Целенаправленно. Пожалуй, только там и остались эти экземпляры из переработанной древесины. Совершенно нерациональная трата материала. Книга была очень старой. Перерыл почти всю библиотеку ради нее. Она посвящалась псионикам на заре их появления после Третьей Мировой. Так вот. Оказалось, тело мне на хрен не нужно. Я могу сбежать без него. Могу взять свое сознание и перенести в другой сосуд. Даже время выбрать могу.

Ну, вот, мляха муха... Выбрал...

Вообще, я, естественно, целился в другую точку. И объект был другой. Даже в мыслях не возникало безумной идеи оказаться в таком далеком прошлом, да еще среди подростков. Сбило меня чертово заклинание. По крайней мере, автор научного труда уверял, что это – именно заклинание.

«Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить...»

Оно совершенно случайно всплыло в моей голове в момент переноса. Удивительно прилипчивая фраза. И вот... Пожалуйста...

Я оказался в теле даже не внука, не правнука. Всех «пра» не хватит, чтоб обозначит разницу между моим настоящим и этим временем. Почти двести лет. Нехреновый такой разброс.

Советский союз. Так, вроде, называется государственное объединение, куда меня занесло. Информации о данном периоде имею совсем мало. Она была уничтожена в Тёмные времена. Но даже будь ее много, что мне делать в 1985? Тут же нет ничего! Правда, и войны пока не было, но с другой стороны, сведений – ноль. Перспектив – ноль. Технологии в зачаточном состоянии. И возраст. Возраст – это вообще что-то с чем-то. Четырнадцать лет...

А самое поганое, в процессе перемещения я, похоже, утратил все свои способности. Вообще все. Все! Я чист, как младенец. Пуст, как выпитый до дна стакан... Я стал обычным человеком... Это – самая настоящая катастрофа...

Тело, в которое попал, принадлежит пацану. Ребенку. Четырнадцать лет, в моем понимании, – раннее детство. Хорошо, минут пять я и бывший владелец сосуда провели бок о бок. Дернул из него некоторое количество информации. В том числе – язык, свойственную данному времени речь, особенности государственного строя, небольшую часть истории и некоторое понимание о жизни Пети. Петя... Что за имя такое, дурацкое...

– Ванечкин! Ты себя хорошо чувствуешь? – Снова подала голос Нина Васильевна.

Вот ведь прицепилась. Почти два часа едем, судя по ощущениям, а она каждые десять минут спрашивает одно и то же. Еще, если учесть, что я сижу практически в самом конце автобуса, а Бегемот – возле водителя, когда эта дура задает вопрос, все ли со мной хорошо, пялятся остальные. И как тут не привлекать внимания? Даже если бы с Ванечкиным все было отлично, Нина Васильевна своей заботой удолбала бы его вусмерть.

Я посмотрел на тётку, мысленно желая ей провалиться сквозь землю. С выражением посмотрел. Многозначительно. Ненавижу тупых людей. Попытался ковырнуть ее мозг головной болью. Хрена там! Ничего. Не могу. Конечно, есть еще вариант, что она просто непробиваемая. Например, через слой жира не пробраться. Но, это вряд ли. Я пробовал свои силы на всех. Каждому старался сделать хоть что-то. И соседу, который пялится в окно, и пацанам,

сидящим впереди, и симпатичной светловолосой девушке, которая первой оказалась возле упавшего без сознания тела Пети.

Когда пацан бросился бежать, успел остановить его прежде, чем кто-то узнал о происхождении. Потому что, начни этот идиот орать, что в его башке появился посторонний, думаю, скорее всего, сейчас я бы не в раздолбаном автобусе ехал, а лежал бы на кровати, обколотый препаратами. Неважно, какое на дворе время, судьба у психов одна и та же. Поэтому, пусть скажет спасибо, что уберег его от столь незавидных перспектив. Правда, шанс выразить благодарность выпадет ему позже. Когда я разберусь, как мне выбраться из ловушки этого тела. А я разберусь. Непременно разберусь. Оставаться подростком не собираюсь. Пока что основная проблема – это исчезнувшие способности. Без них я не смогу ничего изменить. Не смогу выбрать новую временную точку и новый сосуд.

Снова посмотрел на светловолосую девушку. Она выглядела задумчивой. Изредка бросала взгляды в мою сторону, проверяя, все ли в порядке. Пацан считал ее очень хорошей. Доверял. Настолько доверял, что мельком в его мыслях увидел картину, как он говорил с ней о личном. Небольшая комната, письменный стол, шкаф с книгами и на заднем фоне – красное знамя. Его за каким-то чертом растянули во всю стену. На знамени – пятиконечная звезда, внутри которой профиль лысеватого мужчины. И фразы... То ли «Будь готов», то ли «Всегда готов». Воспоминание было туманное, толком не разобрался. Тем более, сам пацан больше заиклился на разговор с блондинкой, а не на обстановке.

Какую-то ерунду впаривал, конечно. Не стал особо вникать. Стандартные детские проблемы и переживания. Не интересно.

Но именно эта девушка кинулась к нему на помощь первой. Петя вырубился в двух шагах от людей, ожидавших отправления автобусов. Без сознания был не больше пяти минут. Я в это время налаживал связь. Да и Петя неожиданно оказался упрямым. Пришлось потолкаться. Я его в бессознательное, он – обратно. Я ему пинка под зад, он – зубами цепляется. Самое интересное, причина, по которой сопляк бился за свое тело – Пионерский лагерь «Дружба», Зарница и Маша Фокина, которую малолетний придурок упорно видел тонущей, а себя – спасителем. Что за тупые ценности? Из трех желаний более-менее понял насчет Маши Фокиной. Девочка, в которую пацан влюблен. С остальным – мутная муть. Слова «Зарница» и «Пионерский лагерь» не говорили мне ни о чем. А Петя слишком суматошно думал, чтоб выудить эту информацию у него. Он просто впал в панику. Не столько от того, что в его башке появился посторонний, сколько из-за вероятности не попасть в место, о котором мечтал.

Со стороны все выглядело, конечно, странно. Из-за нашей толкотни, у него веки то закрывались, то открывались. При этом он сам дергался и стонал. Напугал, короче, всех.

Бегемот столько нашатыря на вату вылила, будто не одного подростка в себя привести надо, а сразу десять. Я думал, в какой-то момент она просто начнет его поить из пузырька. Либо отхлебнет сама. По большому счету, закончила бестолковую суету именно светловолосая девушка. Та, которая увидела пацана первой. Она слегка шлепнула его по щеке и тем самым помогла мне дать финальный пинок Пете.

Я повернул голову направо, где сидела Елена Сергеевна. Имя мысленно выкрикнул пацан. Вслух уже не мог, я отключил ему речевой аппарат. Хотя именно ее он пытался звать в первую очередь. Мелькали смутные мысли, в которых Елена Сергеевна виделась пацану самой понимающей. Только она поверила бы в ситуацию, которая возникла у Ванечкина. По крайней мере, он так считал.

Очень симпатичная, кстати. Добрая. Веселая. Двадцать два года ей. Не замужем. Это я в мыслях Петенькиных успел почерпнуть.

Вообще, неплохо поживился информацией, прежде, чем вышвырнул его из сознательного в бессознательное. Пришлось вышвырнуть. Ибо не хрена под ногами мешаться. Очевидно,

вдвоем нам никак не ужиться. У пацана столько мусора в голове, что договориться мы бы не смогли.

– Нина Васильевна, чувствую себя прекрасно! Замечательно чувствую! Спасибо большое за Вашу заботу. – Я как можно шире улыбнулся Бегемоту.

На самом деле, хотел ее успокоить. Надеялся, тогда она отцепится. Но, похоже, перестарался. Не вполне еще контролирую лицевые мышцы. Вместо улыбки у меня вышел оскал. Эффект получился обратный. Бегемот не успокоилась, а сильнее разволновалась.

– Петя, вот зря! Зря ты так категорично отказался остаться в городе и сообщить маме о происшествии. Ты понимаешь, это может быть звоночек. Посмотри, как тебя сейчас перекосило. Гримасничаешь, словно обезьяна. А Вы, Елена Сергеевна...

Бегемот вытянула шею и строго посмотрела на блондинку, которая сидела ближе к середине автобуса.

– Если что, Вы и будете нести ответственность. – Продолжила Нина Васильевна, – Заметьте, я настаивала отправить мальчика домой. А Вы сказали, с ним все в порядке. Можно ехать.

– Нина Васильевна, со мной все отлично. – Я решил вмешаться. Блондинка мне была симпатична. – Честное слово. Немного закружилась голова, потому что сильно торопился. Бежал, боялся опоздать. И на улице жарко. Понимаете? Вот одно к одному и сложилось. Не переживайте. Маму тем более не нужно волновать.

На всякий случай перестал улыбаться, пока Нина Васильевна в панику не впала. Что-то ее моя улыбка нервирует.

– Да? Ну... Хорошо. – Бегемот вроде бы успокоилась. Надолго ли?

Я принялся осторожно, исподтишка изучать всех, кто сидел в автобусе. Так хотя бы можно отвлечься. Потому что, ко всему прочему, было невыносимо жарко. Не знаю, где они откопали такой древний транспорт. Нет, понимаю, прошлое, мало развиты технологии, но это же... Просто настоящая камера пыток. Жарко, душно, воняет. Кресла почему-то обтянуты синтетической тканью, похожей на шерсть. Но это точно не шерсть. У меня чешется от нее все и везде. Даже там, где теоретически чесаться не должно. Тело потеет, а тут дешевая ткань под знадницей. Открытые окна не спасают. Потому что открыты они вверху. Просто маленькие створки отодвинуты в сторону. Если куда и дует ветер, так это на потолок. Зачем потолку сквозняк, я не понимаю. Никакой логики. Никакой рациональности.

Будем надеяться, автобус – это исключение из правил. Не повезло, пока что. Доберемся на место, думаю, станет гораздо лучше. Петя ради Пионерского лагеря готов был намертво стоять против чужого вторжения. Только потому, что мечтал там оказаться. К сожалению, более точной информации не успел вытащить. Слишком эмоционально пацан думал. Много было переживаний, очень мало здравого смысла.

В любом случае, возвращаться домой нельзя. Там, если верить словам Нины Васильевны, мать пацана. Это опасно. Близкие люди – самая реальная угроза провала. Можно обвести вокруг пальца друзей, знакомых, но родных – нет. Она бы заметила странности в поведении сына сразу. Поэтому я приложил все усилия, чтоб отправится вместе с остальными в этот Пионерский лагерь. Хотя, если честно... Название мне уже не нравится. Хорошее дело лагерем не назовут. У нас в лагерях держат заключённых, осуждённых по гражданской статье. Надеюсь, здесь все иначе. Мне нужно время. Чтоб разобраться в ситуации и найти выход.

В принципе, дети – это, пожалуй, даже хорошо. Не вообще, а именно сейчас. Их сознание более гибкое. Меньше будут обращать внимания на странности. Кстати, по поводу детей...

Я обернулся назад, немного просунув голову между кресел.

За моей спиной сидели девочки. Одна – похожа на Селедку. Глаза навывкате и лицо какое-то вытянутое. А вторая... Та самая Маша Фокина. Сразу узнал ее. Правда, в мыслях Пети она выглядела гораздо привлекательнее. Но в жизни тоже ничего, пойдет. Мне сложно оценить

девочку четырнадцати лет. Наверное, красивая. Тут признаю. Действительно красивая. Даже по моим меркам. Даже при том, что у нас некрасивых людей априори нет. Медицина и технологии на очень высоком уровне, внешность можно менять с раннего детства без особых проблем.

Но эта девочка невероятно хороша. Светлые, волнистые волосы собраны в два хвоста. Каждый раз, когда Маша поворачивала голову, чтоб посмотреть в окно, они весело подпрыгивали. Глаза – серо-зеленые, с ободком на радужке. Ресницы – удивительно темные для природной блондинки. Пушистые и длинные. Ладно, могу Петьку понять.

– Привет. – Сказал я Фокиной и улыбнулся. Она нервно вздрогнула, а затем машинально подвинулась ближе к подруге.

Вот черт... Забыл. Мимика еще не совсем под контролем. Я, похоже, снова состроил гримасу. Пришлось убрать улыбку с лица, чтоб не пугать девочку.

– Ванечкин, отвернись! – тут же влезла Селедка. – Ты сознание потерял. Вдруг болен чем-то. Не дыши в нашу сторону. Маша, возьми.

Селедка вытащила из кармана летних шорт два носовых платка, один протянула Фокиной. Ну, ясно... Носит с собой платочки, ведет дневник, стучит на одноклассников. Малолетняя стерва.

– Спасибо, Лена. Но... зачем? – Фокина с недоумением смотрела на протянутую вещь.

– Приложи к лицу. Ты видела, что с ним творилось? Может, это какая-нибудь... Не знаю. Корь, например.

Тут даже сама Маша прониклась тупостью подруги. Она посмотрела на Селедку с таким выражением лица, будто если кто-то и был здесь болен, то это точно не я.

– Лена, какая корь? От нее в детстве делают прививку. Ты забыла?

Но Селедка явно решила доказать свою правоту. Не знаю, по какой причине, однако ей, видимо, сильно хотелось, чтоб у меня наверняка была тяжелая болезнь. Желательно, смертельная. У этой Лены взгляд прямо зверский становился, когда он смотрела на мое лицо. Очевидно, Петя не входил в число ее друзей.

– Нина Васильевна! – Громко крикнула Селедка на весь автобус. – Скажите, а у Ванечкина случайно не корь?

Бегемота моментально подкинуло на месте. Она вскочила и начала пробираться в нашу сторону. Сделать это было не так просто. Автобус для прогулок не предназначен и расстояние между сиденьями было не очень широким. К тому же его трясло и подкидывало на ухабах. Мы давно свернули с трассы на какую-то проселочную дорогу. Бегемоту для маневра не хватало пространства. Она буквально протискивалась вперед. Но двигалась целеустремленно, решив, во что бы то ни стало, добраться до моего кресла.

Оказавшись рядом со мной, Нина Васильевна крепко ухватила меня за подбородок, задрала лицо вверх, мое же, естественно, и принялась вертеть его в разные стороны.

– Ванечкин, ну-ка открой рот. Открой рот, говорю! Покажи язык.

Я послушно сделал, что она требовала. Не драться же с ней. Хочет язык, пусть смотрит. Я могу и другое показать, более интересное. Потом вспомнилось, что тело уже не мое, а в четырнадцать лет вряд ли есть чем похвастаться. Стало немного грустно. Еще одну сторону жизни можно теперь исключить. Гадство...

Бегемот вглядывалась в мой открой рот несколько минут. Не знаю, что именно хотела разглядеть.

– Лена, откуда ты это взяла? – Додумалась Нина Васильевна, наконец, спросить Селедку. – Ванечкин, да закрой ты уже рот!

– Не знаю. Просто предположила. – Ответила малолетняя стерва.

– Господи... Тупикина... Лена... давай все предположения оставим при себе. Приедем на место, Петю еще посмотрят в медблоке. На всякий случай.

Бегемот попыталась развернуться, чтоб пойти обратно на свое место. Но ни черта у нее не вышло. Габариты не те. Поэтому Нине Васильевне пришлось пятиться назад до самого сиденья. При этом, она смотрела, не отрываясь, на меня, будто это я во всем виноват.

– Нина Васильевна, ну, перестаньте волноваться. Все хорошо. Уверена, у Пети на самом деле приключился тепловой удар. Или солнечный. – Елена Сергеевна, до этого молча наблюдавшая за происходящим, попыталась успокоить Бегемота.

При этом она сама несколько раз смотрела в мою сторону обеспокоенно. Но все равно поддержала, когда я сказал, что чувствую себя прекрасно и готов ехать в лагерь. Не знаю, почему. Даже интересно.

– Да что Вы? – Нина Васильевна как раз пятилась мимо того места, где сидела пионервожатая. – Хочу напомнить Вам последний случай. Когда мы попросили наших прекрасных учеников написать сочинение на тему, как они видят близость себя и Родины. Помните? Нет? А я вот хорошо помню. Потому что отличился в первую очередь мой класс. Дети должны были рассказать, на каких предприятиях работают их мамы и папы, как заводы и фабрики выполняют план, как готовятся к партийным съездам. А что мы получили в итоге? Больше половины сочинений описывали те продукты и товары, что родители несут домой с производств. В стране работает ОБХСС, ведётся активная борьба с «несунами», а дети, как... как Павлики Морозовы сдали своих родителей. Чего только не понаписали: у одного мама тащит конфеты, папа другого торгует гвоздями с завода за копейки, у третьего оба родителя трудятся на заводе-гиганте, потому различного добра оттуда у них полон дом.

– Но ведь все обошлось. – Елена Сергеевна, пожала плечами. – Мы организовали родительское собрание без детей. Дети, между прочим, искренне радовались, что причастны к судьбе родной страны, ведь дома у них каких только «закромов» Родины нет. Но это из лучших побуждений. Вы родителям зачитали вслух отрывки из сочинений. Да, родители бледнели и краснели, как будто их поймало за руку ОБХСС. Но ведь оно и понятно. В любом случае, ситуация разрешилась благополучно.

– Да, только потом эти наивные дети рассказывали все с той же детской непосредственностью, как Вы это называете, что после сочинения и внепланового собрания, в доме образовался дефицит гвоздей, которых было «завались», и не стало конфет, которых раньше имелось столько, что их никто не ел. А теперь представьте, что будет, когда в сентябре нам придет время писать сочинение на тему: «Как я провел лето». Первое, о чем расскажут наши чудесные ученики – это случай с Ванечкиным. Так что не надо, Елена Сергеевна, нам таких волнений. Приедем в лагерь, его первым делом в медицинский блок. Путь посмотрит врач. На всякий случай.

Бегемот старалась говорить тихо и ее слова, конечно, в первую очередь предназначались вожатой. Большинство детей на эту беседу даже внимания не обратили. Судя по обрывочным фразам, которые доносились с соседних мест, мы скоро прибудем в лагерь. Поэтому подростки заметно оживились и переговаривались между собой. А я наоборот, вслушивался в то, что говорила Бегемот, очень внимательно. Потому что медицинский блок – это тоже риск. Не знаю, на каком уровне у них медицина. Вдруг, смогут определить чрезмерно активную мозговую деятельность в момент нашей борьбы с пацаном. Это спровоцирует вопросы. А вопросы мне сейчас ни к чему. Мне нужен покой и уединение, чтоб понять свои дальнейшие действия и свалить отсюда по-тихому.

Глава 2

Наконец, бесконечная дорога закончилась. Я уже не верил в то, что это когда-нибудь произойдёт. В организме появилось странное ощущение. Меня мучило и укачивало. Отвратительное состояние. Непривычное. Прежде такого не бывало. Правда, прежде не приходилось путешествовать столь невыносимым способом.

Поэтому, когда мы въехали на территорию, огороженную высоким забором, я с облегчением подумал, неужели мучения завершились. Единственное, немного напрягал забор. Дело – труба, похоже, если детей держат за оградой. Интересно, где опасность? Внутри или снаружи? К тому же, по итогу путешествия, вокруг был лес, достаточно густой, и никаких признаков цивилизации. По крайней мере, я ничего подобного не заметил. То есть, еще и отдельно от остальных людей. Что ж это за место такое?

Теоретически, чисто исходя из названия, оно связано с Еленой Сергеевной. Потому что я точно знаю, она – пионервожатая. Это слово пришло с остальной информацией от пацана. Елена Сергеевна мне нравится. И Пете нравилась. То есть, Пионерский лагерь тоже должен, по идее, понравится. Тем более, пацан хотел попасть сюда безумно. Потом я снова вспомнил сумбур в голове мальчишки. Там черт знает что творилось. И, говоря откровенно, надеяться на его эмоции точно не стоит. Если Пете кровь из носа был нужен Пионерский лагерь, это совсем не означает, что мне он тоже сгодится. Тем более моя цель сильно отличается от его. Петя хотел... Ой, да черт его знает, что он хотел. Просто истерил, как девчонка, и все. А мне нужно время, чтоб разобраться со своей ситуацией, в которой я оказался по роковому стечению обстоятельств. Или по своей же ошибке. Дурацкое заклинание. Нужно найти способ, пробудить себя самого и быстро сменить дислокацию. Не верю, что стал обычным человеком навсегда. Просто отказываюсь верить. Скорее всего, дело в сосуде.

Я на всякий случай даже пытался запомнить дорогу. Вдруг придётся выбираться с территории этого лагеря самостоятельно. Но, пока мы ехали, смотреть в окно мешала голова соседа. Он плечом прислонился к стеночке и дремал, периодически похрапывая во сне. Его башка медленно съезжала вниз, пацан вздрагивал от этого, открывал глаза, обводил всех осоловелым взглядом, а потом снова засыпал.

Наконец, автобус несколько раз фыркнул, чихнул и замер. Вполне возможно, насовсем. Для меня оставалось загадкой, как можно пользоваться этим транспортом без угрозы для собственного здоровья. И как он не развалился по дороге, пока мы добирались до лагеря.

– Приехали... – Сообщила довольная Нина Васильевна. Она даже лицом посветлела, настолько ей было радостно. А счастливое лицо Бегемота пугало еще сильнее, чем высокий забор. – Берем вещи, выгружаемся. Без суеты. По очереди. Организовано. Организовано, говорю! Строганов, перестань скакать! Ты что, орангутанг? Ты – человек. А человек, Строганов, звучит гордо. Глядя на тебя, появляются совсем другие эмоции. И это точно не гордость.

Не знаю, как в их понимании выглядит «по очереди», потому что все подростки, которые были в автобусе, подорвавшись с мест, одновременно двинулись в сторону выхода, прихватив свои сумки. Естественно, на выходе образовался затор. Дети весело переговаривались, толкали друг друга и хохотали. Их все происходящее ужасно радовало, как и Бегемота. Некоторые принялись перекидывать достаточно объёмные баулы вперед, через головы друг друга. Те, кому прилетало в спину чужими вещами, громко возмущались, брали сумку и швыряли обратно. В общем, если что и было организованного в этом процессе, так это бестолковая суета, которая только набирала свои обороты.

Один я, как дурак, пробирался к выходу с чемоданом. Старый, облезлый, с металлическими уголками и жестким каркасом, он постоянно разворачивался поперек прохода. Из-за

этого приходилось останавливаться через каждые два шага, чтоб снова повернуть его в нужную сторону.

– Ванечкин... Мы еще не прибыли на место, а от тебя уже куча проблем. Один ты со всех сторон. Куда не гляну, везде Ванечкин. В школе бесишь, а теперь еще и тут. Зачем ты вообще поехал в лагерь? Никогда же не ездил. – Селедка, которая шла сзади, нервничала и злилась.

Вообще не понимаю, за что. Боялась, не успеет выйти? Вряд ли сейчас автобус резко стартанет в обратную сторону. Я сомневаюсь, что он, в принципе, способен что-то делать резко. Спасибо, что хоть в одну сторону добрались.

Да и потом, не для того нас сюда несколько часов везли, чтоб так быстро отпустить на свободу. И еще я не мог понять, почему открыта только одна дверь? Передняя. В чем прикол выпускать пассажиров через нее.

Сообразил, когда оказался на ступеньке.

Бегемот стояла рядом с выходом из нашего транспорта и пересчитывала всех по головам. В полном смысле этого слова. Брала каждого, кто появлялся в дверях, за голову, будто планирует ее оторвать, а потом громко говорила фамилию. Рядом с Ниной Васильевной замерла незнакомая девушка, которая сверяла детей по спискам. Чуть в стороне я заметил Елену Сергеевну. Она потянулась и пару раз сделала руками круговые движения. Так понимаю, разминала мышцы, которые затекли в дороге. На секунду завис, наблюдая за блондинкой. Интересная особа. Не сказать, чтоб очень красивая, а все равно почему-то мой взгляд притягивает. Что-то есть в ней, несомненно...

– Да что ж такое... – Тут же раздался за спиной недовольный голос Селедки. – То со своим чемоданом на весь автобус раскорячился, теперь вообще застыл монументом. Иди уже, Ванечкин. Иди... Зачем ты вообще с нами поехал? Маша, не отставай. Нам обязательно нужно попасть в один отряд. Да топай ты уже!

Не понятно, кому предназначалась последняя фраза, Фокиной или мне. Скорее всего, Селедка имела в виду меня. Потому что для большего эффекта она стукнула кулачком между моих лопаток. А вот это зря. Я ведь мог по инерции среагировать совсем не так, как Петя. Потому что Петя, судя по слабеньким мышцам и немного рыхлому телу, мало знаком с физическими нагрузками. В отличие от меня. Я всегда старался развиваться не только за счет способностей. А некоторые привычки вбиты намертво, на уровне рефлексов. Например, могу совершенно случайно развернуться и заблокировать нападавшего. Или ударить. Сильно. Селедке повезло, что тело мне еще не подчиняется полностью. Идет процесс притирки. А то летела бы обратно в автобус, сбивая всех, кто сзади.

Кстати, очень надеюсь, удастся избавиться от этого сосуда, как можно быстрее. Он действительно слишком слабый. Даже не беря в расчет возраст. Такое чувство, что Петя тяжелее этого чемодана ничего в руках не держал.

– Так, Ванечкин, ты – отдельно. Вот сюда. – Бегемот схватила меня за плечо и отодвинула в сторону. – Тебя отправим в медицинский блок.

Я не сопротивлялся. К тому же, для начала хотел осмотреться. Нужно оценить окружающую обстановку. Тем более подростки толпились вокруг Нины Васильевны, засыпая ее вопросами. Когда их будут распределять по отрядам? Как их будут распределять по отрядам? А можно по желанию? Короче, ерунда, ничего умного. Я отошел еще дальше. Толпа загораживала видимость и сбивала с мыслей.

Автобусов наблюдалось больше, чем выехало из города. Я насчитал пять штук. Так понимаю, это дети из других мест. Видимо, их собирали из разных школ или районов.

Покрутил головой, разглядывая местность. Мы находились на большой, квадратной площадке, посреди которой имелась высокая металлическая конструкция, наподобие трубы. Внизу этой конструкции уныло висел флаг. Красного цвета. Я видел такой в воспоминаниях Пети. Правда, было непонятно, есть ли на нем звезда и мужик или нету.

С одной стороны площадки стояло достаточно большое здание с широкими ступенями и высокими дверьми. На фасаде, под самой крышей висели синие буквы, из которых складывалось слово «Дружба». С другой стороны – тоже здание, но чуть меньше и полностью застекленное. Внутри было видно много столов и стульев. Скорее всего, место для приема пищи. Живот тут же заурчал, намекая, что второе здание ему гораздо интереснее.

Из нашего автобуса вышли последние пассажиры и Нина Васильевна торжественно объявила, все не месте. Она была так рада этому факту, что без перерыва крутила головой, наблюдая за толкающимися рядом детьми, и улыбалась. Возле других автобусов происходило то же самое. Наверное, там имелись свои Бегемотихи, которые проверяли своих подопечных. За толпой детей не особо получалось рассмотреть.

– Эй, Ванечкин!

Я повернул голову. Вряд ли здесь найдется еще кто-то с настолько нелепой фамилией. Обращались точно ко мне. От соседнего автобуса, где бестолково суетились подростки, в мою сторону двигался пацан. Внешне... ну, скорее всего, мой ровесник. Может, на год старше. Разница была лишь в том, что смотрелся он гораздо приличнее Пети. Выше почти на полголовы, плечи широкие, походка пружинистая. Однозначно чем-то занимается. Заметно по тому, как двигается. Морда смазливая. Стрижка нормальная, кстати, не такая, как у меня. Подошел, встал, расставив ноги на ширине плеч. Одно из двух, либо пацан действительно увлекается спортом и ему привычно в такой позе, либо сейчас будет демонстрация силы. Обычно все так и начинается. К тому же, за ним двинулись еще несколько подростков.

– Ну, что, Ванечкин, – Он согнул руки, свел их перед собой и начал методично кулаком правой конечности стучать в открытую ладонь левой. Интересный жест. В нем чувствуется угроза. – Ты, надеюсь помнишь договор? Спор помнишь?

Вот черт... Какой еще спор? Я лихорадочно принялся перетряхивать те сведения, которые успел вытащить из сознания Пети. Нет там никакого спора. И этого спортсмена тоже нет. Хотя, вполне возможно, причина в том, что время, которое мы провели с настоящим Ванечкиным в одной голове, было слишком коротким и слишком эмоциональным. Для Ванечкина, естественно.

– Слушай... Как там тебя... Давай все это отложим. Хорошо? Спор, договор, что там еще. Не до этого сейчас...

Я честно старался быть культурным и вежливым. А это, между прочим, для меня вообще не свойственно. Пусть скажет спасибо, придурок, что не веду себя, как обычно. В зубы дал, мозги поджарил и до свидания. Ладно, с мозгами сейчас проблема, согласен. Но в зубы все равно могу. Попробовал напрячь мышцы. Черт... Похоже, и с зубами тоже пока не вариант. Тело – просто, как желе. Чем занимался этот пацан все свои четырнадцать лет, не пойму.

– Как там тебя... – Заржал один из товарищей спортсмена, передразнив мою фразу. Их за его спиной стояло трое. Такие же наглые и уверенные. – Слышишь, Федь, я не понял... Это он после своего приступа стал бессмертным.

Видимо, они видели ту сцену, которая случилась перед отъездом. Просто сюда мы ехали в разных автобусах. Эти пацаны сидели, наверное, во втором. Вот и не пересеклись раньше.

– Ванечкин, ты что-то попутал. Смотрю, смелости набрался. – У спортсмена, который завел весь этот разговор, рожа стала злая и красная.

Федя, значит... Я снова попытался перетряхнуть информацию, полученную от Петьки. Этого имени не было. Но зато появилось ощущение... злости и страха. Ванечкин очевидно знал наглого пацана и боялся его. Но при этом, ненавидел. Да е-мое... Только этого сейчас не хватало. Похоже, тут личная вражда. Или что-то такое.

Как же не вовремя...

– Федя... – Я начал осторожно подбирать слова. Исключительно по той причине, что отстаивать честь и достоинство Пети мне сейчас точно не с руки. А речь явно идет о чести

и достоинстве. – Если уж тебе так принципиально, давай перенесем наш... ммм... договор, да? Вот его, давай перенесем на другое время. Например, через месяц. А лучше через три.

Понятия не имею, что там у них за противостояние и какой в итоге спор вышел. Но заниматься этим в данную минуту точно некогда. Я должен выяснить, как выбраться из этого сосуда и этого времени. На кой хрен мне нужен этот Федя.

– Да зассал он. – Влез еще один товарищ спортсмена. – Ты что, не видишь? Зассал. Наверное, ляпнул, а теперь не знает, как соскочить. Слабо ему. Что и требовалось доказать. Ссыкло. Ванечкин подтвердил свое почетное звание школьного ссыкуна.

Если честно, я не хотел обращать внимание на то, что говорили эти дети. И в голове повторял одно и то же. Не выделяться... Не выделяться... Но... У каждого человека есть свои слабости. Больная мозоль. Вот на мою только что наступили. Причем нагло и беспардонно. Какой-то малолетний придурок в красной косынке, повязанной на шее поверх рубашки с коротким рукавом. Они все были с такими же косынками. И я, между прочим, тоже. Но речь не об этом. В общем, сорвало у меня стопы немного, потерял контроль. Просто никогда, никому не позволял говорить что-то подобное в свою сторону. Вообще никогда и вообще никому.

Сам не заметил, как оказался рядом с пацаном, который про «слабо» сейчас ляпнул. В одну секунду подскочил к нему, а потом... Ну, хорошо. Не надо было так делать. Признаю. Это вышло чисто машинально. Говорю же, рефлексы сознания, ничего не поделаешь.

Одним резким жестом я указательным и средним пальцем подцепил федыкиного дружка за ноздри. Учítывая, что не ожидал этого никто, то никто и не сопротивлялся. Просто не успел бы. Тем более, как сделать правильно, я знаю. Правильно, это, чтоб нос, на хрен, вывернуло.

– А-а-а-а! – Пацан натурально взвыл. Естественная реакция. У него от боли брызнули слезы из глаз.

Товарищи орущего придурка, включая самого спортсмена, стояли, широко открыв рты и вытаращив глаза. Я дернул руку вниз. Из-за того, что на мои пальцы практически были натянута ноздри малолетнего нахала, естественно, его поволокло следом.

Я наклонился к нему и тихо произнес.

– Больше. Никогда. Не называй. Меня. Так.

Старался отчетливо говорить каждое слово, чтоб он наверняка не только услышал, но и понял.

А потом сразу же убрал руку и сделал шаг назад. Потому что на вой придурка тут же среагировали Нина Васильевна и Елена Сергеевна. Он ухитрился переорать всех детей, вместе взятых.

Так как по распоряжению Бегемота я отирался в стороне от остальных, стычка наша произошла тоже в стороне. Ее начала и развития никто не видел. По факту, когда обратили внимание на крик, ситуация выглядела следующим образом. Федя и его двое дружков замерли, вытаращив глаза. Третий, с которым мы не сошлись во взглядах на правила общения, схватившись за нос и согнувшись в три погибели, завывал в голос. Я, скромно сложив руки, стоял и смотрел максимально честным взглядом на пробирающуюся сквозь толпу детей Бегемотику. Вслед за ней шла Елена Сергеевна, которая нервно прикусывала нижнюю губу. Волнуется... Интересно, за меня? Если за меня, то приятно.

– В чем дело, Лапин?! – Нина Васильевна подскочила к нашей компании и первым делом уставилась на спортсмена.

– Почему Вы меня спрашиваете? Вон, Ванечкина спросите. – Федька даже обиделся от такой несправедливости. – Он Сереге чуть нос не оторвал.

– Кто?! Ванечкин?! – Нина Васильевна даже пару раз хихикнула от нелепости такого заявления.

Я поддержал ее возмущенным выражением лица. Мол, послушайте, что творится. Меня, задрота и слабака, обвиняют в каких-то непотребствах.

– Лапин, ты мне это брось. Сочинять подобную чушь. Репин, да встань ты уже нормально! – Бегемотиха схватила воющего пацана за плечо и дернула вверх, вынуждая выпрямиться. – О господи... Что у тебя с носом?

Сильно заметных следов не осталось. Просто немного припух. Вот если бы я ему этот нос сломал, тогда, да. Тогда не отвертеться. А тут – вообще ерунда. Попробуйте доказать, придурки. Кто поверит, что Петя завязал потасовку.

– Понимаете, они подошли, начали что-то говорить, угрожать. А потом этот, – Я ткнул пальцем в ошалевшего от моей наглости Репина. Так его вроде назвала Нина Васильевна. – Он вдруг сам себя ущипнул за нос и стал орать. Наверное, хотел свалить все на меня. Но Вы же знаете, я бы ничего подобного...

Замолчал и посмотрел Бегемоту в глаза. Искренне. Преданно. Вложив в свой взгляд всю трогательную беспомощность, которая имелаась в этом теле. А ее тут до хрена, надо признать.

– Лапин... – Нина Васильевна прониклась до глубины души. – Опять ты со своими друзьями творишь всякую ерунду. Сколько раз говорить, прекращай, Федя. Прекращай. Да, ты отличник. Да, выступаешь за честь города и школы. Но хватит уже. Неправильно вести себя так. Ты же – пионер. Отец у тебя – первый секретарь горкома. Ну, неужели не стыдно? Ты порочишь его честное имя таким поведением. Оставьте вы в покое Ванечкина. В школе за вами постоянно глаз да глаз, теперь еще здесь. Петя, ты нормально себя чувствуешь?

Нина Васильевна подошла ко мне и с заботой потрогала лоб.

– Ой, не знаю... Разнервничался что-то... – Я тяжело вздохнул.

– Так... Елена Сергеевна, отведите Ванечкина в медицинский блок. Пусть уже посмотрят мальчика. Я пока наших детей по отрядам распределю. Сами знаете, разные школы специально перемешивают между собой. Чтоб крепче была пионерская дружба.

Блондинка кивнула в ответ на просьбу Бегемота, а потом махнула мне рукой, приглашая следовать за ней.

– Идем, Петя.

Я взял чемодан, обошел Нину Васильевну, которая принялась опять что-то вычитывать подвывающему Репину, и двинулся вслед за пионервожатой. Правда, напоследок, не удержавшись, обернулся. Спорсмен не слушал Бегемота. Он смотрел мне в спину. Внимательно смотрел. С ненавистью. Не долго думая, я нагло усмехнулся и показал ему средний палец. Не знаю, известен ли в этом времени такой жест. Но очень надеюсь, что мой посыл Лапину был понятен.

Глава 3

– Петя, зачем ты это сделал? – Спросила Елена Сергеевна, как только мы отошли на расстояние, достаточное для того, чтоб нас уже никто не мог услышать.

У меня вообще возникло ощущение, что между Петей и вожатой есть какой-то сговор. Хотя, теоретически, сговариваться не о чем, но тем не менее, у них будто имелась тайна. Думаю, Ванечкин таскался к блондинке со своим нытьём. Жаловался на то, какие все козлы. Потому что он именно так и считал. Все козлы, жизнь несправедлива, а его, одарённого и умного, никто не ценит. Любимая тема неудачников.

Это похоже на подлый замысел вселенной. Как я мог промахнуться настолько, чтоб угодить в малолетнего сопляка, башка которого забита всеми существующими комплексами.

Голос, кстати, у Елены Сергеевны был очень приятный. Люблю такие женские голоса. Мягкий, обволакивающий. Черт... Это период полового созревания так сказывается, или все же природное обаяние блондинки? Мне нравится даже ее манера произносить слова.

С интересом уставился на задницу вожатой, обтянутую шортами. Тем более, Елена Сергеевна шла чуть впереди и обзор открывался вполне себе нормальный. Впрочем, не только слова нравятся. Скажем честно. Хороша... очень даже. На кой черт ей эта работа? Возиться с детьми и незрелыми подростками – такое себе удовольствие. Девочка могла бы делать что-то гораздо более полезное.

– Петя!

– А!

Блондинка замедлилась и теперь мы шли на одном уровне. Я быстро поднял взгляд выше. Но до того, как он оказался на уровне ее глаз, успел заметить еще классную грудь. Размер этак третий. Да. Самый хороший вариант. Не сильно много, в то же время формы имеются. Футболочка из тонкой ткани скорее подчеркивала, чем скрывала достоинства вожатского тела. Смешной львенок, будто специально нарисованный на самом интересном месте, как поисковый маячок привлекал внимание. Причем, судя по слегка порозовевшим щекам Елены Сергеевны, она поняла, куда именно я смотрю. Ну, прости, милая. Никто не виноват, что ты такая вкусная конфетка.

– Зачем связался с компанией Лапина? – Повторила Елена Сергеевна свой вопрос. – Зачем ты это сделал? Зачем сам отвечаешь на его нападки? Мы же договорились, просто нужно игнорировать и все. Самое сильное оружие – равнодушие. Не понимаю тебя, Петр.

Прежде, чем ответить, я оглянулся. Хотел убедиться, что мы одни и никто нашего разговора не слышит. Расстояние между нами и оставшимися позади подростками, на самом деле оказалось немаленькое. Сама территория лагеря, вообще, в принципе, была достаточно большой.

От площади, где автобусы выгрузили свое орущее и гогочущее содержимое, шли три дороги. Одна, самая широкая, – прямо, вторая – налево и третья – направо. Что вполне логично. Вспомнилась старая сказка. Про то, куда пойдешь и что потеряешь. В тюрьме нас удолбали книгами. А еще – старыми, древними фильмами. Почему-то начальство решило, что именно они как нельзя лучше повлияют на процесс перевоспитания преступников. Перевоспитание преступников... Идиоты... Тупее придумать нельзя, учитывая, что в тюрьме Особого назначения, естественно, арестанты были тоже особые. Маньяки, убийцы, политические деятели, диктаторы и я. Во мне сочеталось сразу все. Полный набор. Комплект. Какие, на хрен, книги и фильмы? Какое, к чертовой матери, перевоспитание? Нет, я не спорил и не сопротивлялся. Читал, смотрел, даже писал ежедневные отчеты, которые от нас требовал контролер по воспитательной работе. В этом нашелся неожиданный плюс. Я неплохо разнообразил свою

речь различными словечками и фразочками. Язык прошлых веков мне нравился своим разнообразием.

Елена Сергеевна выбрала дорогу, ведущую направо, которая шла между сосен и где-то вдалеке упиралась в небольшое деревянное здание. Наверное, медицинский блок за этим сараем.

– Что сделал? – Я упорно продолжал косить под дурака.

Основное правило по-прежнему неизменно. Смотреть, слушать, изучать. Заодно сканировал взглядом пространство. Надо сразу составить в голове план этого места. Что и где находится. Привычка. Я должен хорошо ориентироваться. Это может пригодиться.

– Зачем ты спровоцировал Лапина и его друзей? Вернее, я понимаю, что провоцировали в первую очередь они, но ты поддался на провокацию. Сам добавил жару. – Вожатая повторила свой вопрос в третий раз и по-моему начала подозревать меня в крайней степени идиотизма.

Ее взгляд говорил именно об этом. Не удивительно. Я бы тоже так решил, если бы талдычил кому-то одно и то же.

– Елена Сергеевна, Вы ведь знаете... – Начал было заново ту песню, которую совсем недавно исполнял для Бегемота.

Пионервожатая резко остановилась. Я двигался в этот момент и столь внезапных действий не ожидал. Успел проскочить вперед. По инерции продолжая идти, оказался метра на три дальше, чем теперь стояла Елена Сергеевна. Поэтому пришлось топтать обратно. Иначе мы бы перекрикивались, а не разговаривали.

– Вот именно, Петя. Знаю. Хорошо знаю тебя. Сейчас ты соврал. – Она недовольно поджала губы и нахмурила брови.

Я с интересом уставился на вожатую. Как она определила, любопытно мне? Попытался рассмотреть в ее зеленых глазах темные пятнышки. Это первый признак наличия способностей. Мало ли. Может, девочка не так проста, как кажется. Да нет. Обычные глаза. Ничего особенного. Выразительные, но без специфических отличий. Ну, и чудно. А то я немного начал волноваться. Было бы очень обидно самому остаться без псионики, и встретить кого-то из своего вида.

– Петя, не нужно тебе продолжать войну с Федором. – Елена Сергеевна выглядела очень серьезной.

Слишком серьезной для такого разговора. Ну, какая, к черту война? Неужели я какого-то сопливого пацана не размотаю? Конечно, вожатой это неводомек, так что простительно. Да и роль дурачка весьма удобная штука в некоторых ситуациях.

– Вы не верите в меня? – спросил я с усмешкой.

Ясен хер не верит. В кого верить? В бесхребетного мягкотелого пацана? Мне удивительно, как он вообще ухитрился ввязаться с противостояние со спортсменом. Лапин, судя по уверенному, нагловатому поведению, типа, местной звезды. Что-то такое. Опять же, судя по словам Бегемота, там папа при должности. Знавал я таких мальчиков, которые родились с золотой ложкой во рту. Ничего особенного. Этой же ложной потом и давились, придурки.

– Петя... – Елена Сергеевна подошла ближе, а потом вообще положила руку мне на плечо.

Я повернул голову и посмотрел на тонкие женские пальцы с аккуратно остриженными ногтями, которые почему-то чувствовал кожей. Хотя на мне – рубашка. Пусть из тонкой ткани, но все-таки. А ощущение, будто нет ничего. Будто я голый и чувствую прикосновение руки Елены Сергеевны телом. Чертовы гормоны. Думаю, дело в них. Ванечкин находится в том возрасте, когда «встает» на все и на всех. Прошла мимо женщина – «встал». Подумал о женщине – «встал». Просто кто-то прошел мимо, а Петя подумал о женщине – естественно, «встал».

– Петя, я знаю про ваш спор. Но это глупо. Понимаешь? Я очень хорошо отношусь к тебе. Ты умный, начитанный, воспитанный мальчик, однако, тебе против Лапина не выстоять. Ваша война – просто-напросто глупость. К тому же, пойми, не дело это, пионерам друг с другом

затевать петушинные бои. Я согласилась поддержать твою затею исключительно ради того, чтоб вы, наконец, подружились. А ты делаешь совсем противоположное.

Круто. Она знает про спор. Спортсмен знает про спор. Все знают про этот дурацкий спор, кроме меня.

– Слушайте, Елена Сергеевна, честное слово, не имею желания тратить время на Лапина. Seriously. Но если он будет меня задевать, то я отвечу. По-другому просто не может быть. Дело принципа. Бегать от него не собираюсь.

– Так вы уже задели друг друга! Забыл? По вашему уговору, если вытерпишь до конца смены и не сбежишь, он при всех признает, что ты – настоящий пионер, что достоин этого звания. А еще...не знаю, насколько правдива информация, но ты сам говорил, Федор пообещал в случае твоего выигрыша съесть свой пионерский галстук. Это отвратительно, конечно. Сын первого секретаря горкома, а позволяет себе столь вопиющие поступки. Совсем парень распустился. Нельзя относиться столь пренебрежительно к таким важным вещам, как галстук. Это, в конце концов, честь и совесть любого пионера. Но, тем не менее...

– Та-а-аак... – Я сразу начал соображать.

Хотя, тут и напрягаться сильно не нужно. Очевидно, Лапин делает все, чтоб Ванечкин не вытерпел. Могу представить, как разгуляется его убогая фантазия. Соответственно, нужно ждать подставы, подлости и другого дерьма.

– А если я не выдержу? Если сбегу?

– Ну...тогда ты тоже прилюдно, в присутствии всех учеников, на линейке, выйдешь и объявишь себя... – Елена Сергеевна немного замялась. Ей явно было неприятно это говорить. – Объявишь себя ссыкуном, треплом и слабаком. Разве не помнишь? Я ведь от тебя узнала об этом. Ваш спор возмутителен просто сам по себе. Если честно, остаюсь в уверенности, надо было рассказать завучу. Не надо мне было соглашаться на твою просьбу.

– Ух, ты...мощно. – Я задумался на мгновение, осмысляя перспективы.

Интересный расклад. В принципе, на Ванечкина глубоко наплевать. Тем более, по сути, он и есть ссыкло. Пока тянул его воспоминания, любые, хоть какие-нибудь, которые мог взять в момент нашего воссоединения, большинство мыслей были именно такими. Он боялся всех. Но при этом многим завидовал. Сделать что-то не так, тоже боялся. Хотя, очевидно, сильно желал быть героем. Но...как говорится, кесарю кесарево. Если ты от рождения сопля и мямля, с хрена ли вдруг станешь кем-то другим.

– Елена Сергеевна... – Накрыл своей ладонью руку вожатой. Она, эта рука, все еще лежала на моем плече. – Не волнуйтесь. Я знаю, что делать.

– Сомневаюсь... – Блондинка осторожно вытащила свои пальцы из-под моих, развернулась и опять пошла вперед.

Однако, я успел заметить легкое смущение в ее глазах. Она, видимо, не привыкла к таким жестам со стороны Ванечкина. Да и к взглядам тоже. А я не могу смотреть на нее иначе. Мало того, действительно девочка привлекательная, с внутренним стержнем и при этом яркой сексуальностью, которая чувствуется даже через обычную внешность, так еще дебильный Ванечкин, а вернее его тело, добавляет эффекта. Оно, тело, откровенно говорит мне, что хочет уже набирать взрослого опыта.

Я с тоской посмотрел на задницу вожатой, которая удалялась от меня, а потом вздохнул и пошел следом. С тоской, потому что вполне очевидно, Елена Сергеевна выпишет мне отказную, если я сунусь со своими желаниями. Для нее Ванечкин – ребенок.

– Сука, нельзя было хотя бы в какого-то постарше вляпаться? – Выругался я себе под нос.

– Что ты сказал? – блондинка оглянулась через плечо.

– Ничего... Говорю, день то какой прекрасный. – Догнал вожатую и теперь шел нога в ногу.

Ну, его к черту, все эти соблазны. Надо делом заниматься. Выберусь, все тогда будет, и женщины, и деньги, и нормальная жизнь.

Елена Сергеевна покосилась в мою сторону с сомнением, но промолчала. Наверное, опять что-то почувствовала. Сарказм, например.

– Так... нам сюда... – Заявила вожатая и остановилась.

Я тоже остановился. Повернул голову. Сначала направо. Потом налево. Потом посмотрел прямо. Однако, кроме деревянного одноэтажного строения не увидел ни черта. Оно ещё было выкрашено в какой-то совершенно ублюдский цвет. Грязно-синий. На стене висела большая доска. Щит. На нем – красный балон с раструбом, лопата, топор и лом. Перед щитом стоял ящик с песком. Слева – входная дверь. Обшарпанная, с трещинами.

– Мы же шли в медицинский блок. – Спросил я удивленно.

Удивленно, потому что... удивился. Хотя, зачем так скромно? Не удивился. Охренел. Пионервожатая решила меня прикопать тут по-тихому?

– Так мы и пришли. – Елена Сергеевна явно причин моего охреневания не понимала.

– Куда пришли? – Я бестолково пялился на старую дверь.

– К врачу, Петя. – Вожатая, наверное, еще больше поверила в мою тупость.

Я посмотрел на Елену Сергеевну, ожидая увидеть улыбку или насмешку. Может, у человека не очень хорошее чувство юмора? Потом опять уставился на старое здание из бревен.

– Это что? – я показал пальцем на вход. Других вопросов у меня, в принципе, не было.

Просто медицинский блок – изолированное от посторонних помещение, в котором имеется вся необходимая для оказания помощи аппаратура, препараты, инструменты. А здесь? Топор и лом на деревянной доске? Отрубить руку или голову, если они вдруг заболят? И, видимо, в песок закопать.

– Петя... все-таки ты действительно странный... – Елена Сергеевна покачала головой, а затем направилась к порожкам, которые вели в здание.

– Ну, ладно... – Я двинулся следом. – Посмотрим, что внутри.

Внутри оказалось так же грустно, печально и убого. Коридор, слева две комнаты. Над ними висели таблички «изолятор № 1» и «изолятор № 2». Справа – кабинет. Оттуда одуряюще несло какими-то лекарствами.

– Здравствуйте... – Из дальней комнаты, которая находилась совсем в конце коридора, появилась девушка.

Если Елена Сергеевна выглядела обычно, симпатичная, но не более, здесь ситуация была обратная. Незнакомка, одетая в белый халат, напоминала мечту любого половозрелого мужчины. Я данным фактом вдохновился. В принципе, пионерский лагерь начинает мне нравится. Да и хрен с ним, с топором, ломом и убогим зданием. Если такая красотка будет осматривать меня на предмет крепости организма, готов стерпеть все.

– Здравствуйте. Я – Елена Сергеевна, вожатая второго отряда. Вот мальчик. Посмотрите, пожалуйста. Ему от духоты стало плохо. Он сознание, вроде как, потерял.

– Ну, что ж вы так. – Медичка улыбнулась и посмотрела мне в глаза. – Довели ребенка. Проходи в кабинет, раздевайся. Сейчас посмотри, что с тобой произошло.

Я приятно удивился, если честно. Может, только Елена Сергеевна принципиальная? А вот, например, девушка сразу перешла к главному. Я, например, готов приступить к осмотру прямо сейчас. И вообще мне нравится такой взгляд на профессиональные обязанности. Проходи, раздевайся, здравствуй.

Быстро метнулся в кабинет, принялся стягивать рубашку, шорты, сандалии и носки. Разделся до трусов, секунду подумал, а потом потянул вниз и их.

– Хм... Интересно. Молодой человек, Вы решили последовать примеру наших предков и ходить голышом?

Я обернулся к двери, прижимая трусы к паху.

На входе стоял мужик, лет пятидесяти, с седыми усами и насмешливым взглядом. Меня он рассматривал, приподняв одну бровь, засунув руки в карманы белого халата.

– А-а-а-а... а где девушка? – Спросил я, потому что никаких мужиков не ждал.

– Маргарита Евгеньевна? Так она у нас медицинская сестра. Но уверен, ей тоже вряд ли было бы интересно наблюдать всю эту прелесть. – Врач, а я так понял, это он и есть, посмотрел на мои руки, которые прижимали трусы.

– Вот черт... Извините. – Я повернулся к мужику спиной и принялся натягивать нижнее белье обратно.

– Да ничего страшного. Бывает. А теперь наденьте свои замечательные кальсоны и подойдите к кушетке. – Врач кивнул в сторону шорт, которые валялись рядом, – Меня интересуют исключительно горло и грудная клетка. Хотелось бы Вас послушать, молодой человек.

Я схватил шорты и через минуту уже стоял в приличном виде.

Осмотр был коротким. Опять язык, не знаю, чего он им всем нужен, пальцем перед глазами влево, вправо, сядь, встань, дотронься до носа, подыши. Все. Понятия не имею, как возможно определить хоть что-то этими методами. Но меня все устроило. Будь у них тут аппаратура нормального уровня, это создало бы проблемы.

– Все хорошо. Здоров, как бык. – Врач вышел в коридор и сообщил эту новость Елене Сергеевне, ожидавшей за дверью. – Скорее всего, он действительно у вас перегрелся на солнышке. Сегодня покой. Воды пусть пьет побольше. В принципе, из рекомендаций – все.

Вожатая поблагодарила мужика и мы вышли на улицу.

– Ну, Петя, идем теперь провожу тебя в корпус.

Глава 4

– Это... – Я хотел спросить, что это за очередная хрень, но вовремя прикусил язык.

Мы сидели в столовой. Передо мной стояла тарелка. Я смотрел на нее внимательно, пытаюсь понять, чем нас хотят накормить. Или отравить?

По тарелке была размазана блямба из какого-то полужидкого продукта светлого цвета, сбоку сиротливо пристроился кусок... Один из пацанов утверждал, что кусок рыбы. Но это не точно, потому как я, например, совсем не уверен в подобном заявлении. Рыба, которую прежде случалось есть, была реально похожа на рыбу. Выглядела, как рыба, пахла, как рыба. Вкусно. А здесь же... Меня настораживал и вид, и запах. Меня вообще настораживало помещение, в котором за столами сидела толпа подростков и детей помладше. Не привык я к такому скоплению людей в одном месте. Даже в тюрьме нам еду разнесли по камерам. Про свои лучшие времена вообще молчу.

Причем, дети успевали есть, болтать, кидать друг другу в спину какую-то херню и еще задавать вопросы вожатым. А будет ли завтра вечером концерт в честь открытия смены? А какие номера нужно приготовить? А разрешат ли дискотеку после концерта? Я слушал весь этот гам в полуха. Вообще, если честно, не слушал бы, но переговаривались все одновременно.

– Ты чего не ешь? Не голодный, что ли? Давай я заберу. – Толстяк, который устроился рядом со мной, шустро потянул тарелку к себе. Толстяка звали Вася Мишин и он был из моего, второго отряда.

Только глазом успел моргнуть, а пацан уже закидывал еду себе в рот, жмурясь от удовольствия.

– Ммммм... Картошечка... Пюрешечка... Обожаю. Только ради нее бы и ездил в лагерь. – Приговаривал он, глотая неприглядную субстанцию. Самое интересное, ему реально это нравилось. – Мамка дома готовит, но не такую. Тут вкуснее...

– Охренеть можно... – Пробормотал я себе под нос, а потом потянулся за хлебом.

Два кусочка лежали рядом со мной и это единственное, что вызывало доверие. Еще компот. Интересный напиток, сваренный из засушенных яблок и груш. Так объяснили соседи, с которыми мы сидели за одним столом.

Мой план не выделяться из толпы трещал по швам. Потому что на каждом шагу возникало непреодолимое желание высказаться о месте, которое так сильно жаждал увидеть Ванечкин. Маленький извращенец. Любитель острых ощущений.

Почему я пришел к такому выводу? Потому что Пионерский лагерь – это какой-то квест на выживание. Честное слово. Я даже невольно задумался, может они подобным образом избавляются от слабых детей? Так сказать, система естественного отбора. Выжил – молодец. Не выжил – слабак. Туда тебе и дорога. Потому что дойти до финала тут может только сильнейший.

Единственный плюс – вообще не надо заморачиваться о ситуации с Лапиным. Велика вероятность, что ни один из нас не доживет до конца этой смены при таких-то условиях. Лапин, кстати, сидел через один ряд от меня и пока продолжалось мероприятие, которое все уверенно называли «ужин», я постоянно ощущал на себе его злой взгляд. Учитывая, что каждый столик был рассчитан на четверых, спортсмен окружил себя теми тремя товарищами, которые были с ним в момент нашей стычки.

Старался в его сторону не смотреть. Не потому что опасался или еще какая-то ерунда. Просто не было никакого дела до этого придурка. Я испытывал легкий стресс от происходящего. В это сложно поверить, но тем не менее, действительно стресс.

Окружающая действительность беспокоила меня гораздо сильнее, чем какой-то малолетний хам. Если несколько часов назад имелось желание выбраться из ловушки поскорее, то сей-

час это желание стало несоизмеримо огромным. Я даже на полном серьезе прикидывал, не бежать ли. Останавливал лишь возраст. Долбанные четырнадцать лет, из-за которых невозможно действовать в полную силу.

Для начала – корпус, куда меня проводила Елена Сергеевна. Их, этих корпусов, было несколько. Одноэтажные дома с деревянными пристройками, типа веранды. По периметру всего здания шли окна. Много окон. Зачем? Не понимаю. Любое жилье должно быть хорошо защищено от вторжения извне. Ладно, у них тут, наверное, нет тех «прелестей» жизни, которые появятся в очень далеком будущем. Последствия войны, чтоб их.

Но все равно, с точки зрения здравого смысла, это – странно. Проще сразу поселить детей на улице. А что? Тут тебе и свежий воздух, и сосенки под боком. Красотаааа... Самое интересное, в той части здания, которая сделана из кирпича и теоретически является самой надежной, находились туалет, душевая, место отдыха, комнаты вожатых и воспитателей. Самые ценные персоны, похоже.

И потом, что это за комната отдыха? Пока даже не хочу знать, от чего именно придется отдыхать. Боюсь предположить. Комната отдыха...от отдыха? Настораживает.

Обстановка в этой комнате была соответствующая. В центре лежал ковер, в дальнем углу, на тумбе, стоял телевизор. Перед ним – несколько рядов стульев. То, что телевизор показывает целых три канала, я узнал гораздо позже. Как и само предназначение ящика с выпуклым экраном. Поначалу вообще не сообразил, что это. Пацагы подсказали. Еще имелось два шкафа с книгами. С книгами! Я теперь понял, процесс перевоспитания литературой пришел в будущее именно отсюда.

Зато спальня с кроватями в количестве пятнадцати штук, где должны жить дети, располагалась в деревянной веранде. Причем веранды имелось у каждого корпуса две. Они находились с противоположных сторон здания. Мальчики – налево, девочки – направо.

– Вот, Петя. Выбери себе место. – Елена Сергеевна широким жестом указала мне на ряды кроватей.

Если бы у меня был выбор, я бы точно находился не здесь. Очень сильно хотелось сказать именно так. Но не сказал. Блондинка стала слишком молчалива, пока мы шли сюда. Она явно о чем-то размышляла. Не обронила больше не слова, пока не оказались на месте. Судя по тому, что вожатая периодически прикусывала нижнюю губу, думаю, мысли у нее были не самые хорошие. Заметил, ее эта привычка говорит о волнении. А волнение, скорее всего, связано со мной. Я так понял, Елена Сергеевна ругала себя за то, что не рассказала завучу о споре между Лапиным и Ванечкиным. Она поддержала Петю из педагогических соображений. Типа, пацан должен пройти это испытание сам. Но явно не ожидала, что проходить его он будет так активно. Кстати, кто такой завуч не знаю. Но спрашивать не стал. И без того слишком много лишней информации лезет в голову. Она мне даром не нужна. Все равно найду способ смыться подальше и от Пионерского лагеря, и от Лапина, и от самого Ванечкина.

– Ну? Что задумался? Куда хочешь устроишься? – Елена Сергеевна кивнула в сторону спальных мест.

Я бегло осмотрел комнату. Кровати стояли по пять штук в три ряда. Мне нужна та, с которой лучше всего обзор. Ненавижу находиться среди людей, а уж тем более спать. Даже если это бестолковые и маленькие люди. От них вообще неизвестно, что можно ожидать.

Прошел в дальний угол и поставил чемодан возле койки, которая была самой крайней. С этой точки хорошо просматривается всё помещение. С двух сторон окна. Если что, можно быстро оказаться на улице. Хотя, окна тут везде, по ним лучше не ориентироваться.

– Вот и хорошо. – Елена Сергеевна улыбнулась ободряюще. Наверное по моему виду было понятно, я совсем не в восторге от увиденного. – Раскладывай пока вещи. Скоро ужин. Сейчас остальные придут. Они пока в кинотеатре. Их там распределяют по отрядам.

– Где? В кинотеатре? – Переспросил я. Медицинский блок меня впечатлил. Корпус тоже. Теперь ещё, оказывается, есть кинотеатр. Вообще все срослось. Книжки, старое кино. Поваяло знакомой тюремной атмосферой.

– Да. Это там, где нас из автобусов высадили. Здание с синими буквами. Не заметил? А напротив – столовая.

Елена Сергеевна наверное однозначно пришла к выводу, что Петя – дурачок. Просто раньше, возможно, это не так было заметно. Она говорила со мной спокойным, размеренным голосом, которым обычно охранная система тюрьмы беседовала с особо неадекватными заключёнными. Один в один.

Я хотел спросить вожатую, а где, собственно говоря, будет жить она. Помню, в разговоре с медичкой блондинка упоминала второй отряд. Выходит, в одном здании со мной? Потому что на входе именно это и было указано на табличке. Вторым отряд.

Но поговорить нам не дали. В этот момент хлопнула дверь и в корпусе настал суицид ад. Толпа оголтелых детей забежала в комнату. Они швыряли вещи, с разбегу прыгали на кровати, орали какую-то несусветную дурь. Я сел на свое место, справедливо опасаясь, что кто-то из них рискнет претендовать на мою кровать. Среди пацанов, а по комнате скакали только парни, к счастью не было Лапина и его дружков. Остальные выглядели приблизительно одинаково по возрасту. Значит, скорее всего, это и есть критерий распределения. Соответственно, я угадал. Спортсмен старше на год. Младше он быть никак не может.

– Здравствуйте... – Рядом с Еленой Сергеевной, которая по-прежнему стояла у входа, нарисовался незнакомый тип. – Ого... У нас в этом году пополнение. Я – Константин.

Он окинул блондинку многозначительным взглядом и протянул руку. Судя по возрасту, тоже пионервожатый. На вид около двадцати лет.

– Ага. – Елена Сергеевна улыбнулась. – Вот, решила провести лето рядом с учениками. Здесь – дети из моей школы.

Она ответила на жест Константина, но когда хотела убрать руку, тот сжал пальцы, не давая блондинке освободить ладонь. При этом улыбка у него стала ещё более приторной. Судя по тем сигналам, которые он демонстрировал, полным ходом шел процесс предварительного соблазнения. Только что не облизывался, сучонок.

– Очень рад. Красивые девушки это всегда радость... Тем более, новые лица. Привлекательные новые лица...

Фу, млять... Какие дебилские у него подкаты. Кто ж так женщин ангажирует, придурок? Но естественно, ничего подобного вслух я сказать не мог. Точно не оценят и не поймут.

– Да прям уж красивые... – Блондинка тянула свою руку к себе же, Константин упорно не отпуская. Со стороны это смотрелось глупо и смешно.

Вообще, если честно, он не понравился мне сразу. И дело не только в МОЕЙ Елене Сергеевне. Почему-то я воспринимал ее именно так. Моя вожатая. Моя Елена Сергеевна. И совершенно непонятно, какого хера этот мудака с тонкими, ублюдскими усиками лапает то, что принадлежит мне.

А усички на самом деле были ублюдские. Реденькие и какие-то неестественные. Неприятные. Сам этот тип, в принципе, был неприятным. Скользкий какой-то. Прилизанный. Зато в наличие – брючки со стрелками, белые носочки в сандалиях и футболочка в обтяжку, чтоб было видно рельеф мышц. Я машинально опустил взгляд на свое рыхлое тело. Ну, ничего... Разберемся...

Елене Сергеевне, видимо, надоело стоять истуканом и тянуть руку из потных ладоней Константина. Мне даже на расстоянии казалось, они у него непременно потные.

Она резко дернула родную конечность, которая, наконец, оказалась на свободе. До Константина дошло, что он выглядит полным идиотом, вцепившись в руку блондинки.

– Значит, будем работать вместе. Я тоже вожатый. Второй отряд? – Константин подмигнул.

– Второй. – Обречено согласилась Елена Сергеевна.

Она сильной радости от внимания со стороны этого типа не демонстрировала. Наоборот. Возникало ощущение, что ей не терпится быстрее уйти из комнаты. Моя симпатия к блондинке резко скакнула вверх. Молодец, девочка. Не разменивается на прилизанных уродов.

– Отлично. – Константин закинул голову и громко рассмеялся.

Мне кажется в этот момент можно было рассмотреть все его зубы, даже самые крайние. Так широко он открыл рот, когда гоготал.

– Действительно... Пойду с девочками знакомиться. – Елена Сергеевна натянуто улыбнулась и, бочком протиснувшись мимо Константина, выскочила из спальни.

– Так! В чем дело, я не понял? – Гаркнул он, обратив, наконец, внимание на подростков, которые стояли на головах. Причем, некоторые, в полном смысле этого слова.

Наверное, только я один сидел спокойно на кровати, изучая коллектив, с которым придётся жить бок о бок. Очень надеюсь, что недолго жить... Радость с лица Константина как ветром сдуло. Естественно, на нас ведь не надо производить впечатление.

– Константин Викторович, а когда ужин? – Спросил один из подростков. Пацан был очень крупным. Даже, скорее, широким. Как два меня.

– Аааа! Мишин, тебе лишь бы пожрать! – Засмеялся кто-то из подростков. – Аккуратнее, народ. Вдруг он с голодухи нас сожрет. Дежурного будем по ночам оставлять.

Я нашел взглядом шутника. Он сидел на кровати, откинувшись назад. Ноги вытянул на постели прямо в обуви. Пацан был рыжий, словно его голову покрасили специальной краской. Судя по ехидному лицу, этакий хреновый юморист, который постоянно везде сует свой нос.

– Ряскин! Прекрати. Нельзя смеяться над товарищами. Неправильно это. Пионеры, что? Ну-ка! Все вместе! – Константин Викторович вскинул руки, будто дирижёр, который собирается управлять оркестром.

– Пионеры умеют дружить! Пионеры помогают друг другу! Пионеры – всем ребятам пример!

Хором выкрикнули подростки. Все. Кроме меня, естественно. И естественно, это привлекло внимание вожатого. Он тут же уставился в мою сторону суровым взглядом. Наверное, его взгляд должен был произвести какое-то впечатление. Но не произвел. Он ведь не знает, что мне глубоко и искренне класть на такие взгляды вообще и на взгляд Константина Викторовича в частности.

– А ты почему молчишь? – Спросил вожатый. Тон тоже попытался сделать соответствующий. Строгий, осуждающий. Подстать взгляду. – Мы всегда все делаем вместе. Мы – товарищи на всю смену. Одна семья.

Не выделяться... Не выделяться... Я повторил это мысленно несколько раз, а потом ответил.

– Благодарю за столь щедрое предложение, но вынужден отказаться. У меня уже есть семья. Не думал, что будет еще одна. Морально не готов.

Пацаны моментально замолчали и уставились на меня с интересом. Видимо, несмотря на вежливый тон, все прекрасно почувствовали сарказм. Все, кроме Константина Викторовича. То есть он еще и тупой. Удивительное совпадение.

– Как тебя зовут? – Спросил вожатый.

– Петя.

Назвал имя и решил, достаточно. Фамилия дебильная. Она меня нервирует. Обойдётся без нее. Однако Константин Викторович смотрел с ожиданием. Он смотрел. Я молчал. Минуты три. Тишина в комнате стояла такая, что было слышно, как где-то рядом летает муха.

– А фамилия есть у Пети? – Снова спросил он. Видимо понял, продолжать диалог сам я не собираюсь.

– А фамилия моя слишком известная, чтоб я ее называл.

Интерес в глазах пацанов сменился восторгом. Им по кайфу было все происходящее. Они такого, наверное, ещё не видели. Чтоб человека вежливо, без ругательных слов, послали на хрен.

– Послушай, Петя...

– Послушайте, Константин Викторович. – Я выговорил его имя четко, каждую букву, – Пионеры – это прекрасно. Вот только не могу понять, как пионеры связаны с Вашим желанием продемонстрировать нам превосходство.

– Какое превосходство? О чем ты? – Вожатый немного занервничал. Думаю, его напрягла моя манера говорить. Не детская она, наверное.

– Ваше. Вернее предполагаемое Ваше превосходство. Вы считаете себя лучше остальных? Считаете, что мы должны Вам подчиняться? Так вроде господ закончились очень давно.

Выудил эту информацию из сведений, полученных от Ванечкина. Мне понравилось, как это звучит.

– То есть? Почему подчиняться? Я – ваш пионервожатый. Отвечаю за вашу жизнь и ваш моральный облик. – Константин Викторович нервничал уже сильнее. Возникло такое чувство, что он в голове лихорадочно соображал, кто я такой. Вдруг, как тот же Лапин, сын какого-нибудь серьезного человека.

– А-а-а-а... так это не переживайте. С моим моральным обликом все хорошо. Разве я делаю что-то аморальное? Пью? Курю? Притащил сюда продажных женщин?

– Каких женщин? Ты... Я...

Не знаю, конечно, чем бы закончился этот разговор, но дверь в комнату открылась. В проеме появилась голова Селедки.

– Константин Викторович, там сказали строится на ужин. – Радостно сообщила она. Потом заметила меня, поморщилась и шустро исчезла из поля зрения.

Думаю, в этот момент Прилизанный был единственным человеком в лагере, который любил Селедку всем сердцем.

– Строится на ужин. Слышали? – Он с облегчением выдохнул и выскочил из комнаты.

– Ну, ты, конечно, дал... Похоже, смена у нас будет веселая... – Высказался толстый Мишин.

Думаю, это было общее мнение о произошедшем.

Глава 5

После ужина мы снова вернулись в корпус. Я пытался оставаться спокойным, но чувствовал, это ненадолго. Сорвусь. Потому что, как минимум, мне грозит голод. Трескать эту чудесную еду, от которой тот же Мишин пребывал в восторге, я не могу. И не хочу. На одном хлебушке долго тоже не просидишь. Ходили, кстати, по лагерю строем. Парами. Вася, сожравший мою порцию, решил, наверное, что мы теперь друзья навеки, и все время отирался рядом. Соответственно, с ним мы и топали обратно в свой отряд.

Я надеялся, этот суматошный день, наконец, подойдет к своему финалу. Хотелось уже лечь, побыть в тишине, сосредоточиться и попробовать найти внезапно исчезнувшие способности псионика. Когда я думал о том, что они ушли навсегда, мне становилось дурно. Застрять до конца жизни Ванечкина, в данном времени, не хотелось бы вообще никак. А это единственный вариант покинуть сосуд без способностей. И то... Дальше – ни малейшего понимания. Куда денется мое сознание? Будет витать в воздухе? Короче, мне надо хорошенько подумать.

Но... не тут-то было. Нас собрали в комнате отдыха для чрезвычайно важного совещания. Всех. И мальчиков, и девочек. Учтя, что хитрый Константин Викторович отправил за нами в спальню Елену Сергеевну, я вместе с остальными был вынужден топтать на это мероприятие. Понял, что расстраивать блондинку не хочу. Мне нравится, когда она улыбается.

– И так... – Прилизанный, куда же без него, выдержал театральную паузу. – Завтра у нас состоится торжественное открытие смены. Все, кто бывали в лагере «Дружба» раньше, знают, что каждый отряд готовит номер для концерта. Первое место – это первая звезда. Таких звезд за смену можно будет получить несколько. Отряд, набравший наибольшее количество звезд, станет лучшим и получит за это грамоту.

Вожатый снова замолчал. Наверное, давал присутствующим еще одну возможность проникнуться серьёзностью ситуации.

Самое интересное, после нашей небольшой стычки, которая внешне выглядела вполне прилично и придаться ему было не к чему, он косился в мою сторону с некоторым опасением. Я заметил еще в столовой, что Прилизанный расспрашивал о чем-то Елену Сергеевну. При этом периодически смотрел на меня. Не знаю, что конкретно она ему рассказала, но он ко мне больше не подходил. Странился.

– А когда мы пойдём на море?! – Выкрикнул кто-то с дальних рядов.

– Ребята, сейчас разговор о концерте. Давайте решим сначала этот вопрос. – Елена Сергеевна терпеливо разъяснила приоритетность задач особо жаждущим морских процедур.

Подростки расселись на стульях. Те, кому не хватило стульев, а их конечно же не хватило, разве может быть иначе, устроились прямо на полу, сложив ноги под себя крестиком. Но все равно, чисто по инерции, даже на полу, сидели в ряд.

Перед нами стояли Прилизанный, Елена Сергеевна и ...Бегемот. Когда увидел Нину Васильевну, не удержавшись, хмыкнул вслух. Все собрались там, где нахожусь я. Ладно, блондинка. Данному факту даже рад. Пусть вариантов заинтересовать ее не имеется, все равно приятно. Мне нравится просто смотреть на нее со стороны. А там...Разберемся, что смогу придумать.

Но все хорошее непременно идет рука об руку с каким-нибудь дерьмецом. Закон вселенной. Проверено неоднократно на собственной шкуре. Даже последним случаем. Из тюрьмы я сбежал – это хорошо. Но сбежал туда, откуда теперь хрен выберешься. Это – плохо.

Поэтому не удивительно, что воспитателем оказалась чуждая женщина-Бегемот. Я бы не имел ничего против, если бы она не цеплялась ко мне постоянно. Первый вопрос, который задала, появившись в отряде, естественно, касался меня и моего самочувствия. Просто мания какая-то у человека.

Кроме того, среди девчонок своего отряда, когда ходили в столовую, я увидел Машу Фокину. Естественно, рядом со своей неизменной подружкой Селедкой.

Наверное, поэтому Ванечкин так рвался в Пионерский лагерь. Знал, что его большая любовь будет находится под боком столько времени. Возможно, Петя имел даже планы. Не судьба...

Маша – это тоже неплохо. Вернее, никак. Мне от ее присутствия ни жарко, ни холодно. Чисто симпатичная девочка, которая радуется взгляду. А вот Селедка... Точно никакой радости от ее нахождения рядом не испытывал. Она меня напрягала. Уж не знаю, по какой причине, однако малолетняя стерва питала к Ванечкину настолько сильную неприязнь, что даже когда рассаживались в комнате отдыха, демонстративно утащила Фокину на противоположный конец. Лишь бы подальше от меня. Еще громко все это комментировала рассуждениями, что там, на противоположном конце комнаты, легче дышать по причине отсутствия всяких больных придурков. Совсем не тонкий намек.

– Итак, ребята... – Бегемот вспомнила, что она, вообще-то, воспитатель, и перехватила инициативу, – Давайте подумаем, какой номер мы могли бы показать на завтрашнем концерте. По моему мнению, лучше всего поставить сценку. Слушаю ваши идеи.

Ну, собственно говоря, уже после этой фразы стало весело. Предложения, которые звучали от «ребят» поражали своим креативом и оригинальностью подхода.

Причем, мои, не дай бог, товарищи, выкрикивали их хором, стараясь переорать друг друга. Но особо отличился Ряскин. Тот самый рыжий пацан. Его, кстати, даже звали соответственно образу – Антон.

– А давайте сделаем какую-нибудь жанровую сценку на тему космических приключений! – Радостно предложил он. – Например, на сюжет космических войн. Помните фильм «Москва–Кассиопея»? Про школьников, которые оказались в космосе. Я это кино несколько раз смотрел.

– Ну... интересно, конечно. – Настороженно согласилась Нина Васильевна. Она явно чувствовала какой-то подвох. – Только можно без войн? Хотя бы просто про то, как наши доблестные советские космонавты изучают глубины вселенной. Про Гагарина, например.

– Ну, что Вы! Без войн никак нельзя. В этом весь изюм. – Антон вскочил с места и подпрыгивал от нетерпения, желая поделиться своей идеей. – Представьте только... прибывшего на другую планету космонавта, встречают вражеские воины. Инопланетяне. Он один. При себе – единственный патрон...

– Какой патрон, Ряскин? – Тут же встряла Селедка. – Он на чужой планете. У него не может быть с собой только пистолет. Скажи ещё, шашка или сабля. Хотя бы лазер нужен. Что он, по-твоему, обычный солдат, что ли? Еще скажи, на коне прискакал. На другую планету. Ага! Послушай, Маша, какая глупость.

Селедка, она же Лена Тупикина, толкнула Фокину в бок, предлагая ей присоединиться к обсуждению. А точнее, к насмешкам над Ряскиным. Рыжий посмотрел на Селедку с таким выражением лица, что стало понятно, вместо космической оперы он готов поставить «Отелло». Но с обязательным условием. Дездемоной будет Тупикина и он прибудет ее собственноручно в первом же акте пьесы. Имеет право по сюжету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.